РѢЧЬ
МАТРЕНЫ
ПРИСЯЖНЮК

цѢна 5с.

ИЗДАНІЕ
ФЕДЕРАЦІИ
СОЮЗОВ РУССКИХ РАБОЧИХ
Соед. Штатов и Канады.
Нью-Іорк, 1919

Рѣчь Матрены Присяжнюк в Кіевском Военно-Окружном судѣ 19-го іюля 1908 года.

Матрена Присяжнюк (Раиса) привлекалась по дѣлу группы анархистов-индивидуалистов, обвинявшихся в нападеніи на погребищенскій сахарный завод, в убійствѣ хулигана-священника и в покушеніи на убійство погребищенскаго пристава Балицкаго.

Дѣло это слушалось в Кіевском Военно-Окружном судѣ 16—20 іюля 1908 года. Послѣ 14 часового совѣщанія Раиса была приговорена к смертной казни.

Из других товарищей, привлекавшихся по этому дѣлу, один крестьянин был оправдан, Р. Рабинович была приговорена к 8 мѣс. крѣпости, Вишневскій и другой товарищ, еврей-рабочій—к 8 г. каторги каждый и двое крестьян—к смертной казни.

Послѣ прочтенія приговора, младшая сестра Раисы, находившаяся с матерью в залѣ суда, поднялась и крикнула: „Рая! Мы любим тебя не толь

ко как сестру, но и как человѣка и будем мстить за тебя. Я же умру не иначе, чѣм и ты".

С 20 іюля по 20 сентября Раиса сидѣла в Кіевской Лукьяновской тюрьмѣ, ожидая приведенія приговора в исполненіе. Все это время она упорно твердила, что не пойдет на казнь и просила у товарищей, находившихся на свободѣ, яду. Два раза пытались передать ей просимое, но оба раза безуспѣшно. Рая потеряла было всякую надежду на успѣх, как в ночь на 21 сентября, тов Эдгар Хорн, сидѣвшій по дѣлу кіевской группы а.-к., передал ей через стѣну яд (ціанистый калій). В ту же ночь, ровно в 12 часов, она приняла яд, не желая отдаться живой в руки палачам.

За передачу яда Хорн был привлечен к отвѣтственности и судился Кіевским Окружным Судом, с участіем присяжных засѣдателей, которые, послѣ минутнаго совѣщанія, вынесли ему оправдательный вердикт.

Когда на судѣ Раисѣ было предоставлено послѣднее слово, она сказала слѣдующее:

„Я долго молчала... я молчала все время моего ареста, теперь я буду говорить. Говорить-ли о причинах моего молчанія? Причин так много. Что было говорить, кому говорить? Я цѣню правду, я ее только говорю. Ни слова лжи в своей жизни, короткой, правда, я не сказала. А говорить

правду... перед кѣм? Кому ее говорить,—тѣм-ли, которые погрязли во лжи? Нѣт, они никогда не узнают правды, нѣт, они ее не любят и я им не скажу. Они и судят, и карают, и никогда, никогда не обнаруживают правды. Они никогда не знают, за что они наказывают. Сколько невинных жертв в могилу ушли... Так почему-же не говорят правды им? Скажи правду,—и за правду осудят, за правду повѣсят. И перед ними ложь, все ложь, и ложно они судят. Но я не скажу правды и не запятнаю себя ложью. Я буду молчать. Вы схватили меня, и я в ваших руках, так судите же по тѣм данным, которыя вы способны обнаружить. Я не буду помогать вам судить себя. Ваш суд мнѣ не нужен, он не существует для меня. Я знаю, что все у вас построено на лжи. Я не вѣрю в правосудіе вашего суда. Мнѣ не нужен никакой суд. За свои поступки я отвѣтственна только перед собою и никто, никто не имѣет права меня судить. Вы взяли себѣ это право, но я его за вами не признаю. Я сама только могу судить себя. Я отказалась от защиты—она мнѣ не нужна. Перед кѣм меня будут защищать и кто? Они вѣрят в правосудіе суда, а я не только не вѣрю в него, но я отрицаю всякій суд над человѣком и не могу уполномочить защищать себя, когда мнѣ так ясна моя невинность. Дайте только возможность свободно развиваться каждому человѣку, не стой-

те на пути этого развитія, и его не придется судить. Он сам будет стоять на стражѣ своих поступков. Вѣдь только сам человѣк может вылѣзть из грязи или пойти в нее... Вы судите... Слѣдует наказаніе... Скажите к чему привели эти наказанія? Уменьшились ли эти, так называемыя преступленія? Нѣт. Их число только возросло и оно будет расти. Они будут до тѣх пор, пока за них не перестанут наказывать, пока за поступки человѣка никто не посмѣет его наказать, кромѣ него самого.

Я не скажу ничего в свое оправданіе... Я—преступница в ваших глазах, я—преступница перед тѣми законами, которые теперь господствуют в Россіи. Не стану говорить о том, насколько звѣрски эти законы, насколько стѣснили они свободное развитіе личности человѣка, сколько вогнали они в могилу людей, которые должны были жить, которые нужны были для жизни, для воплощенія в нее справедливости и истины, для осуществленія возможности свободно и всесторонне развиваться каждому отдѣльному индивиду. Я скажу только, что даже носители этого закона не поступают согласно с ним, не считают святым того, что хотят заставить милліоны других признать святым. Вездѣ и повсюду представители этого закона сами его топчут ногами, если это необходимо для осуществленія их узко-

эгоистических цѣлей. Они сами продают свою мнимую справедливость. За деньги все у них можно купить. И их закон и их самих. Все продается и покупается: самое дорогое, самое святое! Но в том-то и суть, что они сами знают, что не свято то, что они заставляют других признать святым. Они наказывают за нарушеніе святости закона, а сами нарушают его на каждом шагу и... удивительное дѣло: их никто не наказывает; а когда им нужны деньги на пріобрѣтеніе имущества, на разврат, на роскошную жизнь, тогда для этой цѣли можно топтать ногами закон, можно его продавать. Торгуют законом и этим живут торговцы, и их никто за это не наказывает. Они потеряли совѣсть в безумном развратѣ, они в нем потеряли все человѣческое, и если оно иногда проявляется в других, то вся их энергія направляется в ту сторону и они пресѣкают очеловѣченіе искалѣченных буржуазной моралью, порабощенных, задыхающихся в грязи милліонов. Всему ложному они находят оправданіе в своих законах, а все, что искренно, что выливается из глубины души человѣка, они пресѣкают, стараются упразднить.

Для достиженія своей цѣли—они не разбираются в средствах, они в тюрьмах и на каторгѣ мучают тѣх, кто теоретически проводил в жизнь необходимость сверженія гнета и освобожденія лич-

ности из под всякаго рабства (как физическаго, так и моральнаго); казнят и убивают тѣх, кто пытается осуществить свою идею.

Я—анархистка-индивидуалистка. Мой идеал —свободное развитіе личности человѣка, в самом широком смыслѣ этого слова, сверженіе рабства во всѣх его видах. Мой индивидуализм не выражен в теоріи, он присущ мнѣ, моей натурѣ, как оригиналу. Многіе факторы дѣйствовали и способствовали тому, что моя натура сложилась так, а не иначе. Самой природой во мнѣ заложены свойства индивидуализма и анархизма. Опытный психолог мог бы предсказать это прежде развитія моей натуры.

Вышла я из бѣдной крестьянской семьи, в 12 лѣт лишилась отца. И с ним жилось не легко—голод, нищета, холод... а послѣ него и подавно. В моей памяти ярко рисуются дни жизни послѣ смерти отца: „мама, кушать", говорит меньшая сестра. „И я хочу", спѣшит заявить еще меньшая... „Дѣвочки, нѣт хлѣба... что мнѣ дать вам, что я вам дам?" И она ломает руки... По ея измученному морщинистому лицу текут слезы... „Мама, не плачь,—утѣшала я,—скоро я выучусь, буду деньги зарабатывать, и мы не будем голодными". Но порой, как-то невольно, и у меня вырывалось из груди: „мама, я так голодна"... И это слова были довершеніем всего. Я видѣла

ея страданія, они проскальзывали в каждой черточкѣ ея лица. И я смотрѣла на окружающее—вездѣ тот же голод, тѣ же стоны, та же бѣдность... во всей деревнѣ. И только нѣсколько кулаков жили безбѣдно. „Они живут тѣм, что не живут другіе", еще тогда замѣтила я—и я бѣжала к Богу, я тогда еще вѣрила в него. Я говорила ему, что он не должен позволять таких страданій, что он не должен молча смотрѣть на счастливую жизнь одних и нищету других,—и я вѣрила, что он воплотит в жизнь справедливость, и я ему молилась. Но... я ждала, а нищета росла. Порой я сердилась на медлительность Божью. Как можно медлить, когда так нужно скорѣе упразднить нищету. Я вѣрила наивно, с чисто дѣтской душой вѣрила, что он одним словом может все сдѣлать хорошо, все измѣнить, и я ждала. А он не дѣлал. Я ему молилась и сколько я ни молилась, он ничего для меня не сдѣлал. А я так молилась, что на лбу знаки были. А между тѣм, когда он молча созерцал ужасы и стоны людей, беспощадное издѣвательство, когда он молча наблюдал затѣм, как его именем душили людей, гнали в могилу, у меня мысль работала все дальше и дальше.

Я видѣла, что буржуазная мораль и существующіе законы так искалѣчили людей, что у них нѣт ничего своего, что все у них оффиціально-холодное, чисто коммерческое. Из всего люди

хотят извлечь выгоду и для этой цѣли торгуют всѣм, что у них есть—и собой, и своими чувствами, и вѣрой, и законом.

Я все видѣла, и Бог все видѣл (так думала я тогда). И вот у меня закралось сомнѣніе, всесилен ли Бог, когда он так спокойно смотрит на издѣвательства, на извращенность, и... его именем торгуют, а он смотрит и молчит. Он должен быть горд и самолюбив, а раз этого у него нѣт, раз он не защищает своего достоинства, то это не значит, что он не хочет (все так ужасно, что невозможно не хотѣть измѣненія), а что он не может, что он безсилен, что либо сдѣлать, что даже я сильнѣе, потому что мое „хочу" я проявляю, а проявленія его „хочу" я не видѣла. Но... Бог не может быть безсилен, значит его нѣт совершенно. Вот тут то, на этом мѣстѣ поколебалась у меня вѣра и на этом мѣстѣ рухнула. Если он—„справедливость", если он—„любовь", то как может он молча смотрѣть на окружающее? Во мнѣ долго происходила внутренняя борьба. Но скоро я разсталась с тѣм, во что вѣрила.

Кругом стоны, страданья, кровь... кровь... я видѣла, как льется кровь, человѣческая кровь... на моих глазах тысячи умирали преждевременно от нищеты: голод вырыл для них могилу...

Я училась. С трудом удалось поступить в учительскую школу. Я хотѣла быть учительни-

цей; эта мысль запала мнѣ еще на скамьѣ двухклассной школы, когда мнѣ было лѣт 14. Я видѣла своих учителей, я присматривалась к их отношенію к дѣтям. Меня не любили... Я хорошо училась, но моих способностей учителя не стремились развивать. Их халатное отношеніе к дѣлу и коробило, и возмущало меня. Все их стремленіе было направлено в другую сторону: выдрессировать учеников так, чтобы они в глазах начальства были тихими, покорными овечками. Меня им трудно было втиснуть в эти рамки, и они не любили меня. Я это чувствовала и понимала, почему они меня не любят. И здѣсь играли роль деньги и положеніе. За деньги ставили пятерки, к богатым относились иначе, чѣм к нам. И вот у меня начало проявляться странное желаніе быть учительницей. Быть такой учительницей, чтобы не считаться с постановленіями начальства, чтобы учить дѣтей, чтобы давать их юным сердцам то хорошее, чего им не давала семья и окружающія условія. „Но как, как продолжать образованіе?" стал предо мной вопрос. Не буду говорить, с каким трудом мнѣ удалось поступить в Ржищевскую школу при монастырѣ. Послѣ долгих мытарств, меня приняли и зачислили на 2 года жизни при монастырѣ. Я еще вѣрила, но... я вѣрила только в Бога, потому что сейчас же предо мною раскрылась ужасная картина лице-

мѣрія монахинь. Я видѣла их жизнь и ужаснулась: она была безобразна, она вызывала отвращеніе!

Была война с Японіей. Кровь и кровь... Я скоро покончила с вѣрой в Бога. Я не считалась с тѣм, как на это посмотрят окружающіе. Они мнѣ были чужды. Между нами не было близкой родственной связи. Я задыхалась в окружающей пустотѣ. Оставив вѣру в мнимаго Бога, я твердо вѣрила в силу свою, в силу каждой отдѣльной личности; я вѣрила, что эти отдѣльныя сильныя личности пересоздадут мір, что они уничтожат нищету, голод и рабство. Я вѣрила в себя. Мнѣ страшной казалась эта пустая, животная жизнь окружающих, и я стремилась к духовной жизни. Я искала—чѣм жить духовно. И я находила эту жизнь в книгах, среди природы, на лонѣ которой я выросла. Я готовилась к учительству; я готовилась добросовѣстно, но мнѣ это трудно давалось, вслѣдствіе недостатка книг, а только в них я могла найти то, что нужно было. Я не встрѣчала ни одного лица, которое дало бы пищу моему внутреннему міру—и я бѣжала от людей, я сторонилась их, я не хотѣла их знать, чтобы не заглушить своим презрѣніем к пустотѣ и нехорошему того хорошаго, что от времени до времени проблескивало в них.

Потом я учительствовала. Недолго продержа-

лась—6 мѣсяцев. Меня уволили. Я любила „своих" дѣтей, и они это чувствовали. Перед моими глазами раскрывались дѣтскіе міры с богатыми задатками, и мнѣ отчаянно тяжело было за невозможность развить то, что в них было. За 6 мѣсяцев немного можно было успѣть, но... но многое увидѣла за это время.

Я увидѣла существующій строй во всем его безобразіи. Я увидѣла его стремленіе заглушить все хорошее и сдѣлать людей машинами, втиснуть их в рамки закона и мнимой святости. Я видѣла, как падали в бою за ниспроверженіе этого строя, и я была в рядах этих. Я чувствовала. Я чувствовала, что порабощеніе только тогда вырвется с корнем, когда уничтожена будет всякая форма государства, когда будет царствовать ничѣм не ограниченная свобода личности, когда никто не будет стоять на пути внутренняго развитія міра человѣка. Принципы анархизма заложены во мнѣ самой природой и я узнала о существованіи теоріи анархизма только послѣ того, как меня лишили мѣста. Я не встрѣчала анархистов, и знакомилась с анархизмом только пок нигам.' В каждом словѣ я видѣла себя, я чувствовала, что в анархизм воплощена я сама, что там пищущій словно мои мысли позаимствовал. И я уже твердо стояла на ногах.

Я сдѣлаю маленькое отступленіе: послѣ того,

как я перестала вѣрить в Бога, я была вегетаріанкой, хотя это продолжалось недолго. Кровь и кровь повсюду лилась рѣками; порою казалось, что весь мір тонет в крови и... „кровь за кровь" стало моим лозунгом. Я не подставлю другой щеки, когда меня бьют, а за один удар—дам 10 ударов и тѣм самым прогоню охоту у них бить. Иначе было невозможно.

Нужны были средства для практическаго осуществленія идеи— уничтоженія уничтожающих милліоны. Не преступленіе убить одного и этим дать возможность жить тысячѣ. Наши богатства, добытые потом и кровью, в руках сильных и с оружіем в руках мы отберем у них то, что они захватили у нас силой: против силы—мы силу поставили. И будучи вегетаріанкой до 18 лѣт, боясь сдѣлать больно не только человѣку, но и животному, я уже теперь шла с оружіем в руках, готовая грудью встрѣтить глашатаев рабства и представителей гнета. И повсюду лилась кровь, кровь тѣх, кто своими трудами держал весь мір, на чьих плечах ѣздили всѣ, кто хотѣл, кѣм понукали в разныя стороны.

Я видѣла кровь... кровь... на моих глазах убили братьев Валдаевых в Казатинѣ, в 1905 году. И младшаго убили за то только, что он любил своего брата, за то, что не мог разстаться с ним. Я видѣла их трупы. Я видѣла лица убитых, и свѣт-

лая улыбка играла на них. В груди закипѣла жажда мести... еще сильнѣе зажглось желанье свергнуть иго рабства. Все во мнѣ заговорило, поднялось. Меня уже не останавливала необходимость лить кровь. Чѣм больше будет пролито ея, тѣм скорѣе мы дадим возможность „жить". Тысячи умирают от голода, от болѣзней, развившихся на почвѣ нищеты... тысячи так гибнут! Так не кровопролитiем будет гибель представителей гнета. Нѣт! Убивая одного—я даю возможность жить сотням, тысячам; я убiйством своим не прекращаю жизнь, а даю ей возможность развиваться во всей широтѣ. В то время, как у меня сердце разрывалось на части при мысли о той ужасной нищетѣ и грязи, на жизнь, среди которых обречены миллiоны, я видѣла равнодушно холодныя лица, спокойно продолжающiя всое пустое дѣло. Я металась из стороны в сторону, не находя мѣста, а между тѣм как дивно-прекрасна могла бы быть жизнь человѣка, как много могла бы вносить в жизнь каждая своеобразно-развивающая личность!.. Какая гармонiя могла бы быть в жизни и в отношенiях людей!.. И я знала, что это могло бы быть, и я видѣла тѣх, кто мѣшал осуществленiю этого идеала, кто стоял преградой... Я не стану развивать своего теоретическаго взгляда, не стану давать научнаго обоснованiя—желающiе могут и помимо меня это узнать; я

скажу лишь нѣсколько словъ о своемъ духовномъ мірѣ.

Міросозерцаніе каждой личности должно вытекать непосредственно изъ глубины души, исходить отъ сердца и разума. Только искренность можетъ творить, только въ ней заложена идея творчества. Все искренное, вытекающее изъ глубокаго убѣжденія, все то, во что вѣрятъ, способно творить, можетъ творить, воплощаться въ жизнь и зажигать сердца многихъ... Я шла, твердо вѣря въ свой идеалъ, въ правоту своихъ убѣжденій; шла, побуждаемая внутреннимъ міромъ. Я не могла иначе —и за мной шли. За мной не могли не идти, потому что идутъ за всѣми, кто искренни. Человѣка нельзя втиснуть въ извѣстную опредѣленную рамку. Внутренній міръ его настолько богатъ, разнообразенъ, что никакая клѣтка не въ силахъ вмѣстить его. Только самое широкое, свободное, абсолютно ничѣмъ неограниченное развитіе личности можно примѣнить къ такому богатому міру, какъ душа человѣка. Свободное, естественное развитіе личности—есть первая необходимость. Дать волю развиться всему, не только тому, что есть у человѣка, но и что можетъ быть у него, что заглушено.

Душа человѣка—это упругая вещь, что не вмѣщается ни въ какихъ ладахъ. Ее строятъ на всякіе лады, но отъ времени до времени струны, непра-

вильно настроенныя, лопаются, и раздаются естественные, мелодично-стройные звуки. Ее нельзя сотворить, потому что она сама творит. Как ни придавлены, как ни заглушены люди, все же от времени до времени выдѣляются сильныя натуры, одним рѣшительным взмахом сбрасывают маску, надѣтую буржуазiей и ея моралью, идут и захватывают своим энтузiазмом цѣлыя сотни тысяч, разжигая в них жажду и с себя сбросить маски, стать хозяевами всего, что их, и что в них вы так искалѣчили и обезобразили, развив слабость, неувѣренность в себѣ... Но выдвинувшiяся сильныя личности, прозрѣвшiя,—раскрывают глаза темным, зажигают желанiе красивой, свободной жизни. И онѣ, эти личности, сильныя и свободныя, как сама жизнь, являются творцами, а не вы, замаскированные, грязные...

Только посмотрите на картину, так рѣзко бросающуюся в глаза: по одну сторону—вы, с вашими законами, поощряющими всѣ подлости, с тюрьмами, с властителями и их присными; ваш идеал—насилiе, гнет и рабство. На сторонѣ его стоят нанятые... стоят тѣ, кому платят за это. Перестаньте платить—и некому будет сторожить. По другую сторону мы стоим. Наш идеал—полное освобожденiе личности, предоставленiе ей возможности самаго широкаго развитiя всѣх ея потребностей и их удовлетворенiя. Наш идеал—

красивая, свободная и свѣтлая жизнь, творцами которой будут счастливые, свободные и довольные люди. Мы не охраняем штыками своего идеала, мы не нанимаем стражей для его поддержанія— мы сами стражи его, гордые и смѣлые, с твердой вѣрой в осуществленіе нашего идеала, с страстной жаждой уничтоженія всего, что стоит на пути. Мы—вольныя птицы, и к нам сами идут; идут, не боясь сложить головы за свой идеал.

Нѣт... стоит ли, стоит ли говорить о том, как мерзки, недостойны человѣка средства, которыми поддерживаете вы существующій строй?... Так много грязи вы создали!.. не хочется рыться в ней!.. противно!..

Я пойду дальше. Я остановлюсь на средствах, которыя мы берем для большей возможности скораго достиженія цѣли. Разрушеніе капиталистическаго строя, уничтоженіе его представителей, разоблаченіе перед народом тѣх безобразных темных сторон, которыми вы богаты,—вот одна из главных необходимостей. Дальше: экспропріація, как государственных, так и частных имуществ. Экспропріація—не цѣль, а средство... средство добыть деньги на необходимость дальнѣйшаго разрушенія существующаго. Не будем отрицать того, что средства, которыми мы боремся, еще далеко не усовершенствованы... Нѣт совершенства. Есть болѣе усовершенствованное и

менѣе усовершенствованное. Средства усовершенствуются тѣм скорѣе, чѣм зорче слѣдят за пробѣлами и ошибками. Болѣе совершенным я могу назвать такое средство, которое с наименьшей затратой сил дает нам наибольшіе результаты. Встрѣчаются ошибки, но... только на них зиждутся раціональные способы борьбы. Не буду говорить о тѣх случаях экспропріацій, которые не имѣют под собой иной почвы, чѣм личная выгода. Их так много, таких поистинѣ несчастных случаев. Ваш же строй породил их! Гонимые голодом, безработицей, пустотой жизни, они идут... Они не знают куда идти, им никто этого не сказал и... творят самыя ужасныя, безобразныя вещи. Часто, особенно в послѣднее время, они прикрываются тѣм или иным партійным или групповым имепем... Но это только для удобства. Легче так—они и дѣлают. Я не могу бросить камень в этих людей: они не знают, как жить иначе. Нужно пересоздать самое их жизнь, чтобы искоренить такія явленія. Нужно дать им возможност жить по человѣчески, и они перестанут быть звѣрями. Наша же экспропріація, как средство, дает нам возможность вести борьбу и вносить дезорганизацію в армію порабощающих. Она заставляет их дрожать не только за их жизнь, но и за тот теплый уголок и сытый кусок хлѣба, за тот разврат и роскошь, которыми они пользуются,

сидя на шеях у порабощаемых. Часто, часто гибнут на экспропріаціях личности, способныя так много еще сдѣлать... Но их гибель не остается безслѣдной. Она рождает новых борцов, таких же сильных и смѣлых, как тѣ, которые погибли на эшафотѣ, бросив улыбку презрѣнья палачу. И появившіяся на их мѣстах сильныя личности продолжат начатое им дѣло, захватят еще большія массы в свои ряды и пойдут все дальше и дальше по пути к достиженію своего идеала. Только при отсутствіи всякой формы государства, за которое (отсутствіе) мы стоим, будет возможность свободно, в широком смыслѣ этого слова, развиваться каждой личности. Свобода развитія ничѣм не будет ограничена, и богатства души человѣка, воплощенныя в жизнь, создадут свободную, красивую и свѣтлую жизнь, гдѣ не будет мѣсто подлостям, потворствуемым вами. Пусть цѣною крови будет добыта эта возможность,—но лучше погибнуть в борьбѣ, чѣм прозябать, чѣм тонуть в грязи и ужасах, чѣм видѣть на глазах умирающих с голода. Я иду и уничтожаю все, что давит не потому, что мнѣ жаль этих сгорбленных под бременем труда, не потому, что за них мнѣ больно, а потому, что я... что моя душа, так жаждущая видѣть красоту и силу во всем, не может удовлетвориться видом таких. Я хочу видѣть всѣх красивыми, счастливыми и

сильными, я хочу, чтобы жизнь была сама красота и гармонія и уничтожаю все, что мѣшает осуществленію моего хотѣнія; уничтожаю все, что не дает возможности достигнуть моего идеала. Я разрушаю всѣ преграды.

Вы скажете, что и вы хотите, что и вы, порабощая, пред'являете свое хочу... Знаю, знаю... Ваше „хочу" слишком дико и безобразно. Личное желаніе не может быть основано на ограниченіи желанія других. Желаніе, основанное на порабощеніи других, — неосмысленное желаніе диких людей. Мое желаніе не может быть основано на ограниченіи желанія других. Я хочу... я не желая терпѣть ограниченія со стороны кого бы то ни было, я своим „хочу" не ограничиваю желанія других. Я вѣрю в гармоничное, неограниченное развитіе желаній человѣка, которое не будет основано на порабощеніи других. Наоборот: чѣм неограниченнѣе желаніе других, тѣм меньше ограниченій лично у меня.

И я вѣрю... Я вѣрю глубоко, что число таких личностей растет, что оно будет расти с каждым днем, с каждой смертью отдѣльной личности. Гордо и смѣло взойдем мы на эшафот, бросив взгляд презрѣнія в вашу сторону. Наша смерть жарким пламенем зажжет сердца многих. Мы умираем, как побѣдители. **Вперед же! „Наша смерть—побѣда наша!"**